

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СИБИРСКИЙ СБОРНИК–4

ГРАНИ СОЦИАЛЬНОГО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУРЫ

*Памяти российского этнографа-тунгусоведа
Надежды Всеволодовны Ермоловой*

Санкт-Петербург
2014

УДК 39(571.1/.5)
ББК 63.5(253)
С34

*Утверждено к печати Ученым советом
Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН*

Рецензенты:
д.и.н. В. В. Бочаров,
к.и.н. Е. Л. Капустина

Ответственные редакторы:
PhD, к.с.н. В. Н. Давыдов,
к.и.н. Д. В. Арзютов

Ответственный секретарь
Е. А. Верещака

Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / Отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 726 с.

ISBN 978-5-88431-260-9

Сборник включает результаты научных исследований, представленных на IX Сибирских чтениях «Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры» (28–30 октября 2013 г., МАЭ РАН), посвященных памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой.

Для широкого круга специалистов, занимающихся изучением Сибири.

**УДК 39(571.1/.5)
ББК 63.5(253)**

ISBN 978-5-88431-260-9

© МАЭ РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов. «Сибирские чтения» и антропология Сибири. . . . 9

Воспоминания о Н. В. Ермоловой

Л. Р. Павлинская. Вспоминая Надежду Ермолову 13

М. Х. Белянская. Н. В. Ермолова — исследователь культуры эвенков (По материалам поездки 2010 г. в Улан-Удэ) 20

Тунгусоведение и исследование социальных отношений

В. В. Карлов. Тунгусский мир Сибири в историческом времени и пространстве 25

О. А. Поворознюк. «Аборигены», «бамовцы» и «приезжие»: социальные отношения на севере Забайкалья 38

Г. С. Вртанесян. Календарная символика тунгусоязычных народов Восточной Сибири и Приамурья 56

С. И. Шарина, А. А. Бурькин. Эпос восточных эвенков и эпос охотских эвенов: к проблеме общих типологических свойств ранних форм эпоса. 68

Т. Ю. Сем. Шаманизм народов Сибири: презентация альбома и выставок РЭМ (тунгусо-маньчжурские народы) 80

Н. И. Бастрыкина, Е. И. Труфанова. «Записки из прошлого» Марии Пинегиной 92

Язык, локальное знание и память

Э. Кастен. Математические основы при изготовлении одежды и в прикладном искусстве коряков: возможности использования традиционных знаний в учебных программах национальных школ на Камчатке. 96

- А. Д. Кинг, В. Р. Дедык.* Подтверждение говорящих на корякском языке: Теория и опыт 114
- Р. И. Лантандер.* Кочующая история в устных рассказах ямальских ненцев 124
- Л. И. Миссонова.* Книга «Лексика уйльта как историко-этнографический источник» («Уилта кэсэни эсинэни — тари горопчиду таккурапула кэсэ» / отв. ред. С. А. Арутюнов. М.: Наука, 2013. 358 с., ил., карты) 141

Индустриальное развитие Севера

- Н. И. Новикова.* «Аборигенность» в диалоге с нефтяниками. 149
- Е. П. Мартынова.* Представления о богатстве у ненцев Ямала 161
- И. А. Каранетова.* Социокультурная ситуация у аганских хантов и лесных ненцев Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа (Югра) 171
- В. Г. Целищева.* Древо жизни или возобновляемые ресурсы? 182
- А. В. Влахов.* Ресурсы в российской части Баренцева Евро-Арктического региона как маркер идентичности . . .189
- К. А. Гаврилова.* Трансформация образа градообразующего предприятия в северном поселке: от экономической автономии и книг почета к ностальгии и фигурам умолчания 200
- Н. А. Косяк.* Трансформация экологических представлений в северном поселке (На примере с.п. Териберка Кольского района Мурманской области) 211
- В. А. Лихачев.* Сейд на Большом Вудъявре. 220
- Ю. А. Грибер.* Антропологические перспективы разработки искусственных цветовых палитр для северных городов 233

Религия и социальные отношения

- А. Б. Островский.* Ульчские сэвэны
в конце XX — начале XXI в. 240
- Г. П. Харючи.* Я'ерв — духи-хозяйева
на священных местах 252
- К. В. Яданова.* Камень погоды — *јада таи* у теленгитов
(По материалам экспедиций в Кош-Агачский район
Республики Алтай) 262
- А. Г. Селезнев.* Современные иеротопии в Сибири:
технология конструирования новых
культурно-религиозных идентичностей 282
- J. Urbańczyk.* Last Testament Church — the power
of unanimity 293
- А. Н. Терехина.* Евангелизация и языки народов Севера 305
- О. В. Голубкова.* Снежный человек в легендах
и быличках обских коми: новый образ «лесной нечисти»
в современных социокультурных условиях 316
- Е. А. Верещака.* Традиция использования красного
мухомора (По этнографическим материалам
чукчей, коряков, ительменов) 326
- О. Б. Степанова.* Сакральное знание селькупов:
почему молчат информанты 340
- Н. В. Цымбалистенко.* Невероятность трех миров
Анны Неркаги: Адаптация ненецкой интеллигенции
к современной социокультурной ситуации 350
- Е. А. Алексеенко.* К мифологии качания у кетов 361

Родство, гендер и социальные отношения

- А. А. Бурыкин.* Терминология родства, счет родства
и идентификация внебрачных детей
у коренных народов и русских старожилов Сибири
(К проблеме генезиса двухродовых союзов
у эвенов и эвенков) 363

<i>Д. А. Кучукова.</i> Традиционная община в процессе культурного возрождения (На примере северных алтайцев Республики Алтай)	375
<i>М. С. Петренко.</i> Трансформация жизненного уклада сибирского крестьянства в 1950–1960-е годы	383
<i>Н. В. Лукина.</i> Функции терминов родства в хантыйском социуме	394
<i>Е. Г. Федорова.</i> «Одного корня люди» и другие виды родственных отношений у северных манси (По материалам последней четверти XX — начала XXI в.)	400
<i>S. Huusko.</i> Identities and wellbeing among Evenki adolescents in the Northern Buriatia	410
<i>М. М. Содномтшлова.</i> Чужие для всех: группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества	419
<i>В. В. Галиндабаева, Н. И. Карбаинов.</i> Карымы и метисы: социокультурные практики метисации в Бурятии	432
<i>С. Е. Сэртиво.</i> К вопросу о гендерном пространстве в традиционной культуре ненцев	442

**Сибирь как лаборатория:
государственные проекты, управление идентичностью
и академическое знание**

<i>С. С. Савоскул.</i> Эвенкия в жизни и деятельности Б. О. Долгих (1926–1944)	449
<i>С. А. Корсун, В. П. Хабаров</i> — первый алеут-этнограф	463
<i>С. Бруниус, Е. С. Соболева.</i> Сибирские коллекции в Стокгольмском этнографическом музее: к истории российско-шведского сотрудничества	474
<i>Л. Н. Хаховская.</i> Битва за народы: этногенетические проблемы в археологическом дискурсе	484

Государство и народы Сибири

- Е. А. Пивнева.* Власть и коренные народы современной Югры: опыт взаимодействия 496
- В. А. Кисель.* Самогоноварение у тувинцев: конфликт традиционной культуры и государства 506
- К. С. Казакова.* Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия 523
- Г. Б. Эшматова.* Проблемы правового информирования локальных этнических сообществ 531

Ранняя история народов Сибири

- С. В. Сотникова.* Парные разнополюсные погребения андроновской эпохи: на грани социального и ритуального 542
- Б. З. Нанзатов.* Тунгусский и самодийский пласты в этногенезе монгольских народов 552
- В. В. Ушницкий.* К проблеме происхождения эвенков-тунгусов. 562
- И. А. Грачев.* История изучения похоронных традиций предков современных хакасов в XVIII в. 574
- А. К. Салмин.* Этнография тюрко-монгольского мира и ее отзвуки в Восточной Европе 581
- Т. Д. Скрынникова.* Идентификационные практики бурят Российской империи. 591
- Л. И. Шерстова.* Аборигенная политика Московского царства в Сибири в XVII в.: евразийский аспект. 601

Отношения человека, животных и ландшафта

- С. Fossier, C. Marchina.* Study of Human-Animal Interactions in Siberian Pastoral Systems via GIS (Geographic Information Systems). 613

<i>Y. N. Konstantinov. Human-Rangifer Conversations with Power</i>	626
<i>A. B. Харинский. Современное оленеводство северобайкальских эвенков</i>	648
<i>Е. А. Окладникова. Способы репрезентации знаний о модели Вселенной: мегалитические конструкции Заполярья и эвенкийские петроглифы</i>	664
<i>С. В. Березницкий. Статус диких и домашних жертвенных животных в социуме коренных народов Сибири и Дальнего Востока</i>	682
<i>В. И. Дьяченко. Охотник и дикий северный олень: поведение во время промысла.</i>	693
<i>Д. В. Воробьев. Дикий северный олень в верованиях эвенков и инну (Соотношение «общего» и «особенного»)</i>	702
Список сокращений	713
Сведения об авторах	716

А. В. Влахов

РЕСУРСЫ В РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ БАРЕНЦЕВА ЕВРО-АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ

В 1993 г. на политической карте Европы появился новый субъект международного права — так называемый Баренцев Евро-Арктический регион, в который вошли северные провинции Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Основной целью его создания было укрепление трансграничных связей между регионами-соседями и налаживание отношений между людьми на низовом уровне. Баренц-регион стал одновременно и площадкой для испытания различных моделей социального и политического взаимодействия, и пространством трансформации уже существовавших практик и институтов.

За двадцать лет существования Баренц-регион довольно сильно изменился — как в пространственном, так и в сущностном аспекте. Параллельно с изменениями Баренц-региона менялись и населяющие его люди: изменение политической и социальной обстановки неизбежно влечет за собой и изменение самоидентификации населения этой местности.

Основной вопрос моего исследования, частью которого является эта статья: можно ли говорить о существовании особой культурно-социальной идентичности жителей Баренц-региона, и если да, то какие маркеры оказываются наиболее важными для их самоидентификации? Исследование, проводившееся в 2012 г. на территории Карелии и Мурманской области, показывает, что можно выделить пять таких маркеров: ресурсы, экология, локальная история, граница и север. Ниже речь пойдет об одном из них — природных ресурсах.

И Карелия, и Мурманская область — ресурсодобывающие регионы, причем их добыча является основой региональной экономики. В Мурманской области добываются в основном минеральные ресурсы: металлы, в том числе редкоземельные, и другие полезные ископаемые. По запасам минеральных ресурсов Кольский полуостров является одной из наиболее богатых добывающих площадок мира — на его территории находятся многочисленные выходы Балтийского кристаллического щита; многие из найденных там минералов не встречаются больше нигде в мире [Мацак 2005: 179–180, 184, 430]. Такая геологическая уникальность региона — предмет большой гордости в официальном дискурсе, в советское время она широко пропагандировалась в научно-популярных изданиях и в периодической печати, а в краеведческом музее Мурманска полтора этажа (из четырех) занимают геологические коллекции [Мурманской области... 1988: 85–87]. Основных добывающих центра в Мурманской области два: во-первых, это широкопрофильные Хибинская и Мончегорская группы месторождений, расположенные в центре области, к югу от Мурманска (основные населенные пункты — Мончегорск, Кировск, Апатиты, Оленегорск), во-вторых, Печенгский кластер на северо-западе области, где добываются в основном никель и некоторые другие редкие металлы (основные населенные пункты — Никель и Заполярный). Оба добывающих центра практически монопольно разрабатывает одна и та же компания — ОАО «Кольская горно-металлургическая компания» (ОАО «КГМК»), в свою очередь, входящая в состав холдинга «Норильский никель».

Карелия поставляет на рынок два основных вида сырья — лес и металлы (в основном железо). В Карелии существует сходная нарративная традиция представления региона как «кладовой» определенного вида ресурсов, с тем лишь отличием, что для Карелии таким ресурсом становится лес. Регион в суждениях информантов предстает, с одной стороны, «лесным углом», где нет почти ничего, кроме лесов, скал, рек и подобных природных богатств, а с другой стороны, местом с действительно большими запасами леса, который поставляется сразу в нескольких направ-

лениях. Во второй половине XX в. в северной Карелии были обнаружены запасы железных руд (южная часть того же Балтийского щита, см.: [Леонтьев 1990: 60–62]), что привело к переориентации производства в этом направлении и значительному увеличению роли металлургии в экономике региона. Для разработки основного месторождения и был построен город Костомукша с огромным заводом по производству железорудного концентрата — вначале Костомукшский ГОК, а сейчас ОАО «Карельский окатыш», входящее в холдинг «Северсталь». На комбинате производятся так называемые *окатыши* — небольшие сферические комочки железосодержащей руды, прошедшие специальную процедуру обогащения [Там же: 66].

Помимо вышесказанного, в Мурманской области (точнее, в территориальных водах РФ в Баренцевом море, к северу от области) разведаны большие запасы углеводородов [Мурманской области... 1988: 262], подготовка к добыче которых была начата в последние несколько лет (разработку ведет «Газпром» в рамках проекта «Штокман»). Это довольно важный для Мурманской области проект, так как его участниками стали, помимо «Газпрома», и зарубежные партнеры — норвежский “Statoil” и французская “Total”. Также Баренцево море — источник рыбных ресурсов, добыча которых в регионе имеет давнюю историю и занимает важное место в экономике региона [Мурманская область 2011: 1, 7]. В Карелии же ресурсы, отличные от лесных и минеральных, играют незначительную роль — можно отметить лишь определенную долю рыболовства в Белом море.

Наличие в регионах больших объемов природных ресурсов и вытекающая из этого их экономическая успешность и относительная независимость являются несомненным поводом для гордости жителей регионов, что широко представлено в их суждениях:

(1) Ну, наш ГОК — на нем вся Карелия держится, он шестьдесят процентов всех налогов республики платит. Вот честно Вам скажу — если бы не мы, то Карелия бы загнулась, была бы, как какая-нибудь Смоленская или Псковская область — они ж

у нас вроде самые бедные? У нас же лесной край, а одним лесом сыт не будешь (м., 56 лет, в/о, Кост.)¹.

(2) *У нас область очень богатая всякими этими... ну, ресурсами природными — металлы там, химия вся. Говорят, что вся таблица Менделеева в земле лежит. Ну вот в основном в Мончегорске там, в Хибинах, вот, и у нас на Печенге — вторые после Норильска по никелю мы в стране* (ж., 48 лет, в/о, Зап.).

Тем не менее тот факт, что экономика обоих регионов построена в первую очередь на природных ресурсах, многие жители склонны рассматривать как негативный фактор, так как, по их мнению, это препятствует развитию регионов и делает их зависимыми от других акторов. Согласно интервью, зависимыми Карелия и Мурманская область оказываются, с одной стороны, от федерального центра и крупных российских корпораций, владеющих местными комбинатами, а с другой стороны, что более интересно, — от западных соседей по Баренц-региону, то есть от Финляндии и Норвегии. Суждения последнего типа, кажется, связаны с ностальгией по ушедшему прошлому, в данном случае — советскому. Информанты склонны представлять экономические отношения советского типа в ключе «зависимость тоже была, но хотя бы от своих» и обвинять европейские страны в том, что значительная часть добытого сырья экспортируется на Запад. При этом на первый план выходит общегосударственная идентичность, а не региональная: в опустошении России (но не Карелии или Мурманской области) всегда обвиняется Финляндия/Норвегия (но не, к примеру, область Кайнуу или коммуна Сёр-Варангер). Упомянутый мотив представлен в двух вариантах: 1) «они покупают сырье задешево, а к нам оно возвращается в виде дорогого конечного продукта» и 2) «распродают (-ем) богатства страны, скоро ничего не останется»:

---

¹ Здесь и далее в скобках указаны основные социальные характеристики информанта: пол (м. — мужской, ж. — женский), возраст, уровень образования (в/о — высшее, сс/о — среднее специальное, с/о — среднее), место проживания (Петр. — Петрозаводск, Мурм. — Мурманск, Кост. — Костомукша, Ник. — Никель, Зап. — Заполярный).

(3) Леса вывозят совершенно конкретно. <...> Там потом из него делают табуретки и везут обратно, вот такая замкнутая система получается (ж., 24 года, в/о, Петр.).

(4) В Карелии лес, ну, как это сказать, по-человечески не обрабатывается, то есть нет нормальных деревообрабатывающих предприятий, и вот получается невыгодно, что мы продаем финнам необработанный лес по маленькой стоимости, а они нам уже дальше из него «Икею» свою строят (ж., 29 лет, в/о, Петр.).

(5) Вот у нас тут комбинат добывает, второй по добыче никеля в мире, а куда это все идет-то? Продают за границу, вот те же норги и покупают. У них же эта жила тоже есть, она туда идет на запад, только они не дураки, сами не добывают — им дешевле у нас купить. А нашим все равно кому продавать ведь. Они еще и железку хотят туда строить — вот у нас же железка тут есть, поезд на Мурманск ходит, знаешь? Она ж знаменитая, самая северная в мире, ну вот теперь «Газпром» что-то там построил в Сибири, теперь нет, ну все равно. Вот всё хотят в Киркенес ее дотянуть, чтобы легче вывозить было. Так всю Россию и вывезут (м., 30 лет, сс/о, Ник.).

Здесь можно сказать, что представления о соотношении «нас» и «их», «своих» и «чужих» демонстрируют довольно сильную подвижность. В том случае, если информант говорит о деятельности, направленной, по его мнению, против конкретного микро-региона, то «мы» — это жители Костомукши, Никеля, Мурманска и т.д., а «они» — региональные/федеральные власти, крупные национальные холдинги и т.п. Когда речь идет о «расхищении богатств России», то актуализируется общероссийская идентичность информанта, а «ими» становятся иностранцы, которые это расхищение осуществляют. Если помнить о том, что эти суждения высказаны в ситуации интервью, когда актуализация той или иной идентичности не приносит какой-либо существенной выгоды (кроме символической: показать собеседнику, что ты-то точно понимаешь, что к чему), то можно утверждать, что эти вложенные друг в друга по принципу «матрешки» идентичности действительно сосуществуют и могут быть одновременно актуализированы в пределах одного высказывания.

Несмотря на вышесказанное, развитие добывающей и перерабатывающей промышленности информанты в целом воспринимают как положительный процесс, который, несмотря на попадание регионов в зависимость от кого-либо, способен укрепить их положение и повысить благосостояние жителей:

(6) *Ну вот сейчас у нас новый карьер строить собираются, там, в лесу, километров сорок на север, дорогу уже пробивают, мне брат говорил, он разведчик как раз. Это-то хорошо, пускай строят — пока будет добыча, город тоже будет, работа у мужиков будет* (м., 28 лет, в/о, Кост.).

(7) *Штокман у нас все ждут очень, потому что это сразу экономике поднимет — территория-то нашего региона, налоги нам будут идти. Понятно, что всё разворуют, но немножко-то лучше жить будет. Вон я тут по телевизору слышал, в этом Ханты-манси округе, там зарплата средняя — пятьдесят шесть тысяч, а у нас — двадцать три. Вот если нефть (на самом деле газ. — А. В.) будут качать — лучше должно стать* (м., 29 лет, в/о, Мурман.).

При этом получается, что именно ресурсное богатство Карелии и Мурманской области является фактором, дистанцирующим эти два региона от остальной России и сближающим их между собой (по косвенным признакам можно заключить, что в эту общность включается также и Архангельская область, но прямых подтверждений этому в моем материале нет). Карелия, Мурманская область (и, возможно, Архангельская область) позиционируются информантами как определенный макрорегион, довольно четко отграниченный от остальной России, чрезвычайно богатый природными ресурсами и работающий в ресурсном отношении в основном на экспорт. Природные ресурсы признаются структурообразующим явлением для жизни региона, а возможное их исчерпание приравнивается к апокалипсису. При этом интересно отметить, что у жителей исследуемых регионов присутствует широкое понимание ресурсов, принятое в науке, но не так сильно распространенное «в народе» — в него включаются в том числе биологические и экологические ресурсы.

(8) *Норги-то тут ездят только потому, что у нас никель можно по дешевке покупать. И еще вот рыбу и краба ловят —*

у нас-то это нельзя, квоты эти, а они приходят сюда, как будто в гости, вот в Лиухамаари там, на Рыбачий, сыпят что-то в воду, так рыба вся, молодая особенно, и краб к ним плывут, а они на своей территории уже ловят (м., 51 лет, в/о, Зап.).

(9) Вот у вас там в Ленинграде, в Ленинградской области уже ничего нету, леса все вырубил, а в земле тоже ничего. А у нас тут вот и в земле поковыряться — все найдешь, ну это скорее на севере Карелии, Калевальский там район, Кандалакша, и лес тоже есть. И в Мурманске то же самое — ну лесов там нет, понятно, но земля там богатая. Это там пояс такой идет, в музее был? Там картинка такая, показывает, как вот пояс идет под землей, железо там, металлы. У нас и в Мурманской вот области (м., 42 года, сс/о, Петр.).

(10) Мы, получается, и кормим — и вас, и финнов, всех. У нас же тут лес постоянно в Финляндию идет, окатыши тоже, но окатыши больше в Череповец, на «Северсталь». Мы как будто получаемся между Россией и Европой, туда торгуем и туда. Еще б деньги эти люди видели, вообще хорошо бы было, а то у нас же как обычно — двадцать процентов людей выпивает восемьдесят процентов пива (смеется). А так вот живем вроде (м., 28 лет, в/о, Кост.).

(11) А молодежь уезжает отсюда — что тут делать-то, природы никакой нету, всё уже выловили и вычерпали, полезные ископаемые там — в советские еще времена, а норги потом рыбу всю выловили и природу испортили (ж., 44 года, в/о, Мурман.).

В связи с последней цитатой интересно отметить, что именно негативное влияние на окружающую среду горнодобывающих предприятий и военных объектов в Мурманской области было одной из основных причин создания Баренц-региона в начале 1990-х. Впрочем, истинные политические мотивы создания Баренц-региона, кажется, вообще не очень известны среди населения региона — большинство информантов либо не слышали этого названия в принципе, либо считают, что эта организация занимается исключительно культурными проектами, ср.:

(12) Ну, поддерживают всякие национальные проекты, культурные проекты, социальные проекты. Кто там точно финан-

сирует, я не знаю, именно Баренц-регион. У нас вот уже семь лет назад, да, в 2005-м, проходили Баренц-кэмпы такие скаутские, и вот они, по-моему, оттуда финансировались (ж., 29 лет, в/о, Петр.).

Еще один важный аспект этого маркера — вопрос возобновляемости и исчерпания ресурсов, свойственный, пожалуй, любой ресурсно-ориентированной экономике. В интервью присутствуют, во-первых, страх перед истощением запасов добываемых ресурсов — этот мотив оказывается гораздо более важным для приграничных моногородов, вся жизнь которых построена на работе добывающего предприятия. В таком контексте часто можно встретить апокалиптические суждения о предстоящем закрытии комбината и выселении города, а также о переводе производства на вахтовый метод работы (по всей видимости, напряженное отношение к этим вопросам подогревают и публикации в местной прессе):

(13) *Так никеля-то там, говорят, осталось на пять лет всего, весь уже добыли — говорят, сейчас вообще начали старые отвалы перелопачивать, чтобы по второму разу из них никель конден[сировать]... <...> Вот не знаю я, что дальше будет, наверное, закроют завод. Или будут возить из Норильска опять руду, как в восьмидесятые, ну так тогда мы точно помрем тут все (ж., 45 лет, в/о, Ник.).*

Во-вторых, в интервью довольно часто заходила речь о символических правах на ресурсы. Большинство информантов считает природные богатства достоянием всех жителей конкретной местности, из чего следует, что их добыча должна вестись в первую очередь в интересах «народа», то есть доходы от производства должны распределяться прежде всего среди населения. Поскольку подобного прямого распределения доходов не происходит, то в интервью часто можно слышать недовольство и обвинения в адрес различных акторов в коррупции и присвоении общественного имущества:

(14) *Это ж вообще страх божий: у нас тут под ногами столько всего полезного, можно сказать, куча денег валяется — а кто ее получает-то, кучу эту? Вот губернаторша наша но-*

вая — я не верю ей, она очень хорошо на этом всем зарабатывает, вот к нам и ездит постоянно в монастырь. А предыдущие еще хуже были, особенно Евдокимов этот поганый — разворовал всю область, мы нищие в девяностые ходили. В нормальной стране бы уже давно нам хотя бы котельную бы починили — ну стыд и позор, когда в городе завод такой, десять тысяч живет, а воды горячей нету! (ж., 45 лет, в/о, Ник.).

(15) *Понимаете, как дело обстоит: у нас же регион очень богатый на всякие природные ресурсы, лес вот, металлы. Только потоки финансовые распределяются не пойми как: через Москву, через Петербург, через Финляндию — и в итоге к нам в республику с наших же налогов ничего и не приходит. Потому вот и живем не очень богато — сами вроде бы свои богатства отдаем по дешевке (ж., 27 лет, в/о, Петр.).*

Таким образом, можно констатировать, что вопрос о ресурсах действительно оказывается важным для самоидентификации местного населения. Во-первых, причастность к добыче ресурсов является важным структурирующим фактором, позволяющим выделить хорошо различимую сеть «нас» и «их», действующих в регионе. Во-вторых, сам факт наличия ресурсов в регионе/регионах является аналитической категорией, позволяющей противопоставить себя окружающему миру и тем самым получить еще одно основание для контрастивной самоидентификации — именно эта модель оказывается наиболее частотной в контексте маркера «ресурсы». Необходимо также отметить, что в отношении ресурсов зарубежные партнеры воспринимаются скорее в негативном ключе — как актер, действующий в своих интересах и с целью получения прямой финансовой выгоды. По-видимому, это объясняется тем, что речь идет о зримых, физически воплощенных ресурсах, которые способны приносить выгоду прямо сейчас и довольно легко добываются, а потому становятся предметом ожесточенных дискуссий. В вышеприведенных цитатах заметно явно эмоциональное отношение информантов к обсуждаемым вопросам — практически все эти фразы были произнесены с восклицательной интонацией, в них используются риторические вопросы, ирония,

гиперболы и др. Помимо этого, из суждений информантов довольно легко вычлняются представления о границах региона, в котором они живут: система противопоставлений «своих» и «чужих» довольно четко отграничивает Мурманскую область и Карелию от прочих территорий (а их самих, в свою очередь, друг от друга). Исходя из вышесказанного, я утверждаю, что тема природных ресурсов является довольно важным маркером региональной идентичности.

Общую идентичность Баренц-региона я воспринимаю как подвижную систему мотивов (маркеров) и противопоставлений, манифестация которых носит относительно устойчивый характер. Главная ее отличительная черта — появление в системе прежних региональных противопоставлений нового: сопоставления самих себя — обычных жителей региона — с такими же обычными жителями зарубежных государств, живущих по ту сторону границы в таких же условиях и с такими же ценностями. Другими словами, Баренц-идентичность, если о ней сейчас вообще можно говорить, заключается в наличии у жителей исследованного региона общего представления о возможности успешного трансграничного сотрудничества на низовом уровне (в свою очередь являющегося низовой трактовкой официального дискурса). Интересно при этом, что ресурсная проблематика вопреки тому, что можно было ожидать, не получила столь же выраженно-го трансграничного акцента — по всей видимости, потому что природные ресурсы, в отличие от всех остальных маркеров, являются в этом регионе не общим достоянием, а специфически российской ценностью. Последнее выделяет маркер ресурсов из ряда прочих, однако и подтверждает его важность для жителей исследованной местности.

Библиография

- Леонтьев П. Р.* Костомукша. Петрозаводск, 1990.
- Мацак В. А.* Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005.
- Мурманская область должна стать стратегическим центром Арктической зоны РФ // Газета «Печенга». 2011. 26 нояб. № 2376. С. 1, 7.
- Мурманской области 50 лет. Мурманск, 1988.

Abstract

This study questions the transformation of the regional identities in the Russian North during twenty years of the Barents Euro-Arctic Region operation. Natural resources are a distinct marker of these identities explicitly manifested in Karelia and Murmansk Oblast. Various aspects of this identity marker are studied basing on field study, the main being the economical motives, cross-border cooperation and the representation of the future.

Научное издание

СИБИРСКИЙ СБОРНИК—4

Грани социального:
Антропологические перспективы исследования
социальных отношений и культуры

Редактирование Т. В. Никифоровой
Корректурa Л. Г. Амбросенко
Компьютерный макет Н. И. Пашковской

Подписано в печать 15.11.2014. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 44.
Тираж 200 экз. Заказ № 0000.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
e-mail: izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-88431-260-9

9 785884 312609